

УДК 811.161.1

И. Ю. Гранева

**МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
УПОТРЕБЛЕНИЯ МЕСТОИМЕНИЯ «МЫ» В РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКЕ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

Местоимение «мы» рассматривается в русле актуальной для современной лингвистики проблемы языкового манипулирования сознанием. Анализируется роль местоимения «мы» в организации манипулятивного дискурса.

Ключевые слова: местоимение «мы», языковое манипулирование, манипулятивный дискурс, мы-изложение.

Проблемы языкового манипулирования сознанием в современной лингвистике являются одними из наиболее актуальных. Это связано с интересом ученых именно к лингвистическим механизмам языковой манипуляции, в том числе – к манипулятивному потенциалу разных уровней языковой системы.

В настоящей работе мы рассмотрим манипулятивный потенциал некоторых единиц грамматической системы языка, а именно – сферы личных местоимений. Предметом изучения является особая роль местоимения МЫ в организации русского национально-специфичного манипулятивного дискурса.

Языковое манипулирование в аспекте теории речевых актов можно рассматривать как разновидность «некооперативного поведения» (нарушения принципа кооперации речевого общения), которое возникает в результате намеренно некорректного обращения говорящего с языком с целью повлиять на мировосприятие, систему ценностей и поведение адресата.

В современной лингвистической прагматике и теории коммуникации возникает понятие «манипулятивной коммуникации», разновидностями которой являются реклама, массовая информация, деловое общение и пропаганда. Манипулятивную

коммуникацию отличает «обязательное применение речевых приемов скрытого воздействия. Последнее требование обусловлено пафосом манипулятивной коммуникации: самое существенное отличие манипуляции от убеждения заключается в том, что получатель целенаправленно лишается возможности объективно оценить содержание сообщения» [5, с. 93–94].

Лингвистический аспект манипулятивной коммуникации находит свое воплощение в проблеме так называемой «лингвистической демагогии» («языковой демагогии»), которая в отечественном языкознании была впервые затронута в одноименной работе Т. М. Николаевой [6]. «Лингвистическая демагогия» выражается в наборе приемов, которые используются говорящим для создания у адресата «особой псевдообъективной действительности», для навязывания ему определенной системы ценностей и, в конечном счете, для влияния на его поведение в нужном для говорящего направлении. Эти приемы затрагивают все уровни и все сферы языка – референциальный, логический (концептуальный), собственно семантический, оценочный и др.

В нашей работе мы хотим проанализировать единицы морфологического уровня, которые обычно находятся на периферии исследовательского внимания (в отличие, например, от единиц лексики или синтаксиса – см. о последних работы П. Серио [7]). Нас интересует манипулятивный потенциал сферы языкового дейксиса – в частности, местоимения МЫ. Местоимение МЫ, с его богатыми возможностями в сфере концептуализации и оценочной интерпретации действительности, имеет давние традиции использования в разных видах так называемой «манипулятивной коммуникации», что в свою очередь связано с его вхождением в разнообразные приемы «языковой демагогии».

Например, первичное референтное употребление инклюзивного МЫ наблюдается в приеме «**навязывания пресуппозиции**», когда суждение, которое в норме нуждается в доказательстве, в высказывании говорящего подается как само собой разумеющееся в «пресуппозиции». С языковой точки зрения, это осуществляется путем постановки данного суждения в сегмент придаточного предложения (в этой позиции высказывание полагается истинным «по умолчанию»).

Ср., например, в «Национальном корпусе русского языка»: – *Мы с вами на своем опыте знаем, что часто нам приходится платить за медицинскую помощь дополнительно* (Анастасия Нарышкина. 1 апреля российских пенсионеров начнут лечить по-новому // «Известия», 2003.02.21 – НКРЯ). С коммуникативной точки зрения здесь осуществляется насильственное включение адресата в круг людей, разделяющих некое мнение, которое сам адресат, может быть, и не разделяет.

Участие *мы* в языковой манипуляции предполагает осознанное говорящим обыгрывание в контексте, сталкивание разных типов референции МЫ, что, например, видно из следующего старого анекдота: *Генеральный Секретарь ЦК КПСС выступает с речью: / – Через двадцать лет мы будем жить при коммунизме! / Реплика из зала: – А мы?*

В работе Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева этот прием называется «игра на референциальной неоднозначности» и трактуется как средство «языковой демагогии» [1, с. 574]. Так, в речи говорящего *мы* предполагает ‘мы с вами’ (инклюзивное),

а адресат нарочито воспринимает его как эксклюзивное ‘мы с моими товарищами по ЦК КПСС’, благо контекст не дает прямого указания на инклюзивность или эксклюзивность понимания данного употребления. Кстати, отметим, что сама возможность обыгрывания двух основных разновидностей первичного употребления *мы* является доказательством реальности их существования в системе языка и в языковом сознании говорящих.

Данное манипулятивное употребление *мы* вполне коррелирует с крайне активным *мы* из прошлого, «советского дискурса» – *мы* коллективных собраний, проработок, социалистических обязательств и пр. Отметим, что включение адресата в сферу ценностей говорящего при таком употреблении МЫ происходит как бы в качестве само собой разумеющегося факта, в пресуппозиции, облигаторно («не спросив адресата»), что также делает такое *мы* явно «демагогическим».

Существуют особые типы речи, которые целиком и полностью подчинены задачам языкового манипулирования и последовательно используют целую систему средств манипулятивной коммуникации. Такие разновидности речи мы называем **манипулятивным дискурсом**, понимая здесь под дискурсом «исторически и идеологически обусловленную языковую практику». Примером такого манипулятивного дискурса в истории является так называемый «новояз» [3], «тоталитарный язык» [2], или «язык тоталитарного общества» [4].

В число манипулятивных стратегий этого типа дискурса входит стратегия, которая получила название «**мы-изложения**»: «Например, синтаксис советской эпохи характеризуется высокой активностью предложений без прямого обозначения действующего лица-субъекта: *Кому-то это выгодно; Есть мнение; Выдвигаются в качестве основных принципы диалектики* и др. В нем развивается принцип Мы-изложения (*Мы идем дорогой партии..., Нас не запугать...*), которое призвано скрывать личную ответственность за высказывание, принимая вид общего правила, непоколебимой истины, в отличие от *мы-научного*, выполняющего функцию общего правила, факта» [4, с. 50].

Мы-изложение является одним из средств намеренного устранения субъекта в пользу неопределенно-безличного изложения точки зрения на события. Это комплекс приемов синтаксической организации речи, который, наряду с языковыми средствами безличности, использует замену Я говорящего на *мы*.

Так, например, в докладе М. С. Горбачева говорится: *Сегодня мы обращаемся к Октябрьским дням, которые потрясли мир, ищем и находим в них и прочную духовную опору, и поучительные уроки* (М. С. Горбачев, Октябрь и перестройка: революция продолжается – НКРЯ). Здесь МЫ – это все, кто разделяет официальную точку зрения, это прежде всего *партия*, да и весь *советский народ*, которые в то время часто, по мнению П. Серио [7], выступают контекстуальными синонимами к *мы*.

Эффект *мы-изложения* усиливается за счет постановки конструкции с *мы* в контекст модальности долженствования: *Нам предстоит продолжить и приумножить дело первопроходцев революции и социализма. И мы непременно добьемся этого своим трудом, творчески используя опыт поколений, прокладывавших дорогу Октября до нас и для нас!* (М. С. Горбачев, Октябрь и перестройка: революция продолжается – НКРЯ).

Мы-изложение структурирует весь дискурс, композиционно оформляя его за счет параллелизма синтаксических конструкций, единоначалия разных абзацев. Текст доклада начинается и заканчивается такими конструкциями, т.е. *мы*-изложение является в нем ведущим композиционным приемом.

Однако рассмотренная стратегия *мы*-изложения не ушла в прошлое вместе с «тоталитарным языком» Советской эпохи. Она регулярно воспроизводится и в современных разновидностях политического и рекламного дискурса: *В инициализированном Мальцевым послании есть такие слова: «Мы считаем, что Вы как Президент Российской Федерации должны назначить на должность глав администраций во всех субъектах Российской Федерации и освободить их от должности»* (Александр Крутов. Ванька Жуков против Конституции России // «Богатей» (Саратов), 2003.11.20 – НКРЯ). Вся конструкция фразы в духе МЫ-изложения носит явно манипулятивный характер, скрывая за употреблением МЫ личную ответственность говорящего за свое высказывание и придавая его речи авторитетность за счет обращения к некоей сверхличностной ценности («не я, а мы все так считаем»).

В целом манипулятивное использование *мы* эксплуатирует важную общечеловеческую идею кооперативности, представление о фундаментальной общности людей в целом и о важных для человека объединениях людей по национальному, родовому, семейному и другому признаку, что делает это использование крайне эффективным и вместе с тем довольно неэтичным средством языковой демагогии.

Есть все основания предполагать, что рассмотренные приемы использования «демагогического» МЫ в основном вытекают из общекоммуникативных универсалий, т.е. «работают» и в других языках, в иноязычных речевых практиках. Однако можно считать национально-специфичной особенностью именно русской речевой практики, во-первых, частотность обращения к некоторым приемам, в частности, приемам МЫ-изложения, в «некооперативных» целях общения, а, во-вторых, чрезмерное злоупотребление так называемым «объединяющим» МЫ, которое зачастую нарушает «личную сферу» говорящего, так называемое «privacy», что в других лингвокультурах (например, в англосаксонской, по мнению А. Вежбицкой) расценивается как неприемлемая речевая стратегия.

Литература

1. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
2. Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше : механизмы языковой самообороны / А. Вежбицка // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 107–125.
3. Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского периода / Е. А. Земская // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 3–31.
4. Кутина Н. А. Лингвистические проблемы толерантности / Н. А. Кутина, О. А. Михайлова // Толерантность в современной цивилизации : [сб. научн. Трудов]. – Екатеринбург : Изд-во Уральского уни-та, 2001. – С. 50–69.
5. Медведева Е. В. Рекламная коммуникация / Е. В. Медведева. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 280 с.

6. Николаева Т. М. Лингвистическая демагогия / Т. М. Николаева // Прагматика и проблемы интенциональности : [коллективная монография]. – М. : Языки русской культуры, 1988. – С. 154-165

7. Серю П. Анализ дискурса во французской школе. Дискурс и интердискурс / П. Серю // Семиотика: Антология ; [сост. Ю. С. Степанов]. – М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – С. 549–562.

8. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса : проблемы речевого воздействия : [учебн. пособие] / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 136 с.

Graneva I. Yu. The manipulative potentiality of the usage of the pronoun «my» («we») in speech of speech of the modern Russian society

The pronoun «my» («we») is considered in aspect of actual for the modern linguistics problem of language manipulation with consciousness. The work investigates a role of the Russian pronoun «my» («we») in the organization of «manipulative discourse».

Keywords: pronoun we, language manipulation, manipulative discourse, we-narrative.

Гранєва І. Ю. Маніпулятивний потенціал вживання займенника «ми» в мовленнєвій практиці сучасногоросійського суспільства

Займенник «ми» розглянуто в аспекті актуальної для сучасної лінгвістики проблеми мовного маніпулювання свідомістю. Проаналізовано роль займенника «ми» в організації маніпулятивного дискурсу.

Ключові слова: займенник «ми», мовне маніпулювання, маніпулятивний дискурс, ми-виклад.